

© 2009 г.

Ю.В. ДУБИНИН

РОССИЯ – ФРАНЦИЯ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

На отношения между государствами влияет множество факторов. Особое место среди них занимают геополитические императивы. Они определяются географическим положением государств, отношением к другим участникам международного общения, а также совместимостью коренных национальных интересов на фоне развития мировых политических процессов. Должный учет таких императивов ведет к взаимной выгоде государств, а если пренебрегать или действовать вопреки им – к тяжелым издержкам.

Отношения между Россией и Францией, начиная с середины XIX в. – убедительный тому пример.

1855 год. Пал Севастополь. Россия проиграла Крымскую войну. Последовавший за ней Парижский мирный конгресс 1856 г. существенно ограничил ее роль в международных делах. Наполеон III торжествовал. Он не отдавал себе отчета в том, какой масштабный геополитический просчет он совершил: для Франции ослабление России – естественного ее союзника перед набиравшей силу Пруссией – предопределило катастрофу во франко-прусской войне 1870–1871 гг. Французская армия была разгромлена при Седане. Император взят в плен. В Версале – самом блистательном дворце французских королей – провозгласили Германскую империю, отторгнув от Франции Эльзас и Лотарингию. В Европе возникла новая политическая ситуация, благодаря которой стала очевидна важность российско-французского сближения. Париж обратил взоры к Санкт-Петербургу.

Спустя четыре года Германия задумала вновь пройти катком войны по Франции, а заодно и по Бельгии. 1875 год вошел в историю как год "военной тревоги". Но в мае 1875 г. в Берлине канцлер Горчаков предостерег Бисмарка от этого шага: если Франция окажется в опасности, Россия ее в беде не оставит. Германия отступила. Из Берлина же Горчаков разослал дипломатическим представителям в иностранных государствах знаменитую свою депешу: "Сохранение мира обеспечено". Фактор российско-французского взаимодействия сделал свое дело.

В 1886 г. император Александр III, принимая только что назначенного в Санкт-Петербург посла Франции А. де Лабуле¹, в беседе с ним подчеркнул: "Вы нужны нам, а мы нужны вам. Я надеюсь, что Франция поймет это"². Чем реальнее становилось начало Первой мировой войны, тем больше отдавали себе отчет как в Париже, так и в Санкт-Петербурге в необходимости сближения друг с другом. Россия и Франция заключили союз, получивший название "Сердечного согласия". Он был оформлен Консультативным пактом 1891 г. и Военной конвенцией 1893 г. В Первой мировой войне

Дубинин Юрий Владимирович – профессор Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ, заместитель министра иностранных дел РФ в 1994–1999 гг., Заслуженный работник дипломатической службы Российской Федерации.

¹ Отметим попутно, что его прямой потомок С. де Лабуле представлял Францию в России в 2007–2008 гг.

² Грюнвальд К. Франко-русские союзы. М., 1968, с. 129.

Россия и Франция оказались по одну сторону. Франция вернула себе Эльзас и Лотарингию.

В 30-х годах XX в., когда стала очевидной угроза нового военного потрясения, исходившая от фашистской Германии, Советский Союз предложил Франции заключить договор о взаимной помощи. Париж предложение принял, и такой договор, подписанный в 1935 г., вступил в силу через год. Интересна оценка этого договора, которую дал в письме к матери в декабре 1936 г. Ш. де Голль, в ту пору подполковник французской армии: «Вы спрашиваете меня, моя дорогая матушка, что я думаю о "Франко-русском пакте"? Мой ответ будет очень прост. Мы быстро продвигаемся к войне с Германией и, по мере того как обстоятельства будут оборачиваться против нас, Италия обязательно воспользуется этим, чтобы нанести нам удар в спину. А ведь нужно выжить. Все остальное проза. Хочу вас спросить, кто сможет нам помочь с оружием в руках? Польша не представляет из себя ничего, да к тому же ведет двойную игру. У Англии есть флот, но нет армии. Ее авиация отстает. Поэтому мы не имеем никакой возможности отказываться от помощи русских, какой бы ужас нам не внушал их режим»³.

Есть веские основания считать, что, если бы договор 1935 г. был задействован и в Европе была создана система коллективной безопасности, как это предлагала наша страна, Второй мировой войны можно было бы избежать. Однако руководители тогдашней Франции предпочли стать в форватор мюнхенской политики умиротворения Гитлера. Результаты известны. Франция разгромлена. Созданный на части ее территории марионеточный режим Виши стал сателлитом гитлеровской Германии. Забвение национальных интересов страны обернулось позором.

В декабре 1944 г., будучи уже председателем временного правительства Французской Республики, де Голль был принят в Кремле. 18 июня 1940 г. де Голль, восстав против капитуляции Франции, призвал французов продолжать борьбу против фашистской Германии. Создав в Лондоне движение "Свободная Франция", он обратился к советскому правительству с просьбой об установлении прямого контакта и был признан Москвой как руководитель всех французов, которые сплотились вокруг него, поддерживая дело союзников. Советское правительство подчеркивало решимость после достижения совместной победы над общим врагом обеспечить полное восстановление независимости и величия Франции. Де Голль умел масштабно видеть мир. Одним из самых ярких впечатлений детства, вспоминал он, был "народный энтузиазм при посещении Франции русским царем" в 1896 г. во время становления русско-французского союза. В 1944 г., в разгар войны, де Голль проделал длинный путь, чтобы посетить Сталинград, а затем подписать в Москве с Советским Союзом Договор о союзе и взаимной помощи. При ратификации этого договора де Голль заявил: "Для Франции и России быть объединенными – значит быть сильными, быть разъединенными – значит находиться в опасности. Действительно, это – непреложное условие с точки зрения географического положения, опыта и здравого смысла"⁴. Советский Союз сыграл важную роль в том, что Франция вышла из войны в числе великих держав-победительниц со статусом постоянного члена Совета Безопасности.

В итоге Второй мировой войны расстановка сил на мировой арене претерпела большие перемены. Изменились и составляющие геополитических императивов. Установился биполярный мир. Руководители режима Четвертой республики сделали в этих условиях односторонний выбор: они втянули страну в НАТО и подчинили ее внешнюю политику внешней политике США. Франция потеряла собственное лицо и подверглась всем рискам, которые вытекали из курса Вашингтона времен "холодной войны" и конфронтации. Роль советско-французского фактора в международных делах сократилась до минимума.

³ Арзаканян М. Де Голль. М., 2007, с. 46–47.

⁴ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1959, с. 395.

Но жизнь шла вперед.

В 1958 г. Ш. де Голль вновь во главе Франции. Он проявил настоящий интерес к тому, чтобы советский руководитель Н.С. Хрущев нанес визит во Францию. В марте 1960 г. в Рамбуйе – загородной резиденции французских президентов – состоялась доверительная беседа Хрущева и де Голля. Они говорили один на один (не считая двух переводчиков, один из которых – автор данного очерка).

"Я полагаю, – заявляет де Голль, – что пребывание Франции в НАТО – явление преходящее. Франция не всегда намеревается оставаться в НАТО и основывать на НАТО свою политику". Это слова большой важности. Французский президент уже давно интригует мир новыми идеями политико-стратегического характера. Еще в июне 1958 г. он заявил: "В рамках западного мира, к которому мы принадлежим, не будучи обязанными ограничиться им, мы должны занимать свое собственное место, осуществлять свою собственную деятельность, чтобы служить миру и безопасности"⁵. Эти слова дали пищу для разного рода интерпретаций, однако вариант выхода Франции из НАТО представлялся Москве почти невероятным. Теперь об этой возможности де Голль сказал сам лидеру Советского Союза и, скорее всего, сказал ему первому из руководителей иностранных государств. Он не уточнил, как, когда, что именно он намеревается предпринять, но это, в конце концов, не суть важно для начала.

Хрущев отметил, что советское правительство с пониманием относится к политике независимости, проводимой де Голлем, и с симпатией встречает соответствующие решения Франции в отношении НАТО. В информации с оценкой своих переговоров в Париже, которую Хрущев направил в Москву, заявление де Голля по данному вопросу он вынес на первое место.

Много в Рамбуйе говорилось о Европе. "Я придерживаюсь того мнения, – сказал де Голль, – что со временем между социализмом и капитализмом будет все меньше и меньше разногласий. Мне кажется, что в дальнейшем в социалистических странах получат большее развитие свобода и либерализм. Таким образом, различия между двумя системами будут не углубляться, а наоборот, сглаживаться. Ничто не мешает нам уже сейчас начать сотрудничество. Нужно, разумеется, действовать постепенно, т.е. начать нужно с начала". Далее де Голль пояснил, к чему следовало стремиться в европейской политике. Его цель – добиваться когда-нибудь единой Европы, в которую входили бы и Восточная, и Западная ее части.

Хрущев в свою очередь отметил, что курс на развитие контактов и взаимодействия между Восточной и Западной Европой отвечает интересам и нашей страны. Перед Советским Союзом и Францией открывалась обширная область взаимодействия, рассчитанная на длительную перспективу.

Серьезность своих намерений в отношении далекоидущих планов сотрудничества с Советским Союзом де Голль продемонстрировал особым приемом, оказанным лидеру нашей страны во время его пребывания во Франции. Визит продолжался 11 дней – с 23 марта по 3 апреля. Хрущева принимала поистине вся Франция. Гладь автострад, перелеты на "Каравелле" – гордости французского авиастроения тех лет, скоростные поезда... И встречи, встречи, встречи. Они казались бесчисленными. Франция была воистину щедра своим гостеприимством, кстати, подобная щедрость больше никогда не повторится при приеме кого бы то ни было из именитых иностранных гостей. Такое решение будет принято после того, как Национальное собрание ознакомится с расходами на визит Хрущева.

Советский Союз и Франция встали на путь сближения, который французский президент обозначил тремя политическими вехами "разрядка, согласие, сотрудничество".

Пройдет еще почти шесть лет, прежде чем 21 февраля 1966 г. де Голль объявит о намерении Франции полностью выйти из военной организации НАТО. Отметим попутно, что в тот момент шла подготовка к его официальному визиту в Советский Со-

⁵ *Gaullie Ch. de. Discours et messages. V. III. Avec le renouveau 1958–1962. Paris, 1970, p. 18.*

юз. Две политические линии, а точнее два аспекта одной и той же политики – политики независимости Франции и сближения с Советским Союзом развивались параллельно. Беседы лидеров двух стран в тиши Рамбуэ были важной вехой этого процесса.

Ответный визит де Голля в Советский Союз тоже продолжался 11 дней – с 20 июня по 1 июля 1966 г. Французский президент пролетел над советской территорией 14 тыс. км, посетил кроме Москвы Ленинград, где, неожиданно остановив кортеж, поднялся на борт "Авроры", побывал в Киеве, Волгограде, Новосибирске. Он первым из руководителей иностранных государств был приглашен присутствовать на запуске межконтинентальной баллистической ракеты с космодрома Байконур. Насыщенные переговоры завершились подписанием Советско-французской декларации. Этот документ отразил новое качество отношений между двумя странами. Сердцевиной их сотрудничества в международных делах была Европа. В документе подчеркивалось: "Для Советского Союза, как и для Франции, первой целью является нормализация, затем постепенное развитие отношений между всеми европейскими странами при уважении независимости каждой из них и невмешательстве в их внутренние дела. Эта деятельность должна проходить во всех областях, идет ли речь об экономике, культуре, технике и, естественно, о политике"⁶. В развитие бесед в Рамбуэ был сделан большой шаг вперед. Теперь СССР и Франция поставили совместную задачу – способствовать становлению плодотворного сотрудничества всей Европы. Это была весьма насыщенная по содержанию формула. Помимо широких целей европейской политики она включала указания на два принципа, которые следовало соблюдать при развитии межгосударственных отношений.

Постепенно в дальнейших переговорах Советского Союза с Францией, равно как и с другими странами, круг принципов взаимоотношений европейских государств расширялся и конкретизировался. На основе предшествующего международно-правового опыта, отраженного в Уставе ООН и других общепризнанных документах, на базе реалистического подхода к обстановке в Европе несколько лет спустя сложится тот свод принципов взаимоотношений между государствами, который найдет свое отражение в заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанном в 1975 г. на высшем уровне в Хельсинки.

В Декларации 1966 г. участники переговоров ставили задачу действовать так, чтобы сотрудничество СССР и Франции могло внести в благоприятную эволюцию обстановки в Европе "решающий вклад". Это, в частности, подразумевало готовность так строить впредь свои взаимоотношения, чтобы они становились своего рода примером отношений государств с различным социально-экономическим строем. Было заявлено о стремлении постепенно "приобщить к своим усилиям все европейские страны".

Разрядка из идеи, отдельных акций и главного содержания советско-французских двусторонних отношений превращалась в международную политику.

Между Советским Союзом и Францией было выявлено взаимопонимание и насчет того, как процесс их расширяющегося взаимодействия должен вписываться в широкий международный контекст. В своем завершающем визит выступлении в Кремле де Голль заявил по этому поводу следующее:

"В нашу эпоху, в мире, в котором мы живем, наши страны призваны реализовать много свершений первостепенной важности... Франция и Советский Союз... помогая друг другу, могут много выиграть... Речь идет о том, чтобы последовательно осуществить разрядку, согласие и сотрудничество во всей нашей Европе с тем, чтобы она сама обеспечивала свою безопасность... Речь идет о том, чтобы наш древний континент, покончив с разделением и объединившись, вернул принадлежащую ему определяющую роль в обеспечении равновесия, прогресса и мира во всем мире"⁷.

⁶ См.: Дубинин Ю. В. Дипломатическая быль: записки посла во Франции. М., 1997, с. 197.

⁷ *Gaulle Ch. de. Discours et messages. V. V. Vers le terme 1966–1969. Paris, 1970, p. 58.*

Таким образом, две наши страны стали генераторами важной тенденции в международной жизни.

Де Голль занял особое место в истории Франции. Дважды – в годы Второй мировой войны и затем в 1958 г. во время войны Франции в Алжире – он оказывался у государственного руля и выводил страну из глубоких кризисов, хотя и одного такого подвига было бы достаточно для того, чтобы навсегда остаться в памяти потомков. Имя де Голля французы дали в качестве второго названия знаменитой площади Этуаль, где горит вечный огонь на могиле неизвестного солдата. Возвышающаяся на этой площади величественная Триумфальная арка связана с именем другого известного француза – Наполеона. Но Наполеон оставил Францию после себя обескровленной и поверженной, а де Голль вывел страну на первый план созидательной международной политики. При этом не следует упускать одно важное обстоятельство. Вражда с Россией оказалась роковой для Наполеона. В то же время дружба де Голля с нашим государством помогла возвысить Францию. Геополитика не прощает невнимания к себе, но зато умеет и вознаграждать.

В 1990 г., когда отмечалось 100-летие рождения де Голля, по моему предложению (я был в то время послом СССР в Париже) его имя было присвоено одной из площадей Москвы. В 2000 г. я в качестве президента – исполнителя Ассоциации друзей Франции направил мэру Москвы предложение воздвигнуть в Москве памятник этому выдающемуся французу, много сделавшему для развития дружбы между нашими странами. Предложение было принято. Когда возведение памятника подходило к концу, я обратился с письмом к Президенту РФ В.В. Путину с предложением приурочить открытие памятника к посещению Москвы президентом Франции Ж. Шираком как единомышленника и продолжателя дела де Голля. Я не знаю, с учетом ли этого письма или просто мое письмо совпало с настроениями на другом уровне, но памятник был открыт 9 мая 2005 г. и на церемонии присутствовали президенты России и Франции. С тех пор он стал местом проведения посольством Франции в Москве мероприятий, связанных с именем де Голля.

* * *

Сформировавшийся при Ш. де Голле курс на сотрудничество наших стран был унаследован его преемниками в Елисейском дворце – Ж. Помпиду и В. Жискара д'Эстена. Эти государственные деятели представляли один – ту же, другой – близкую к де-голлевской тенденции в политической жизни Франции. Уже это предполагало преемственность. Однако этот курс был продолжен и Ф. Миттераном, избранным левыми силами страны. Во внутренней политике Франции после его избрания произошли большие изменения, в то время как сотрудничество с Советским Союзом после некоторого периода колебаний не только возвратилось в русло, проложенное при де Голле, но и получило дальнейшее развитие.

За отношениями между Советским Союзом и Францией утвердилась характеристика "привилегированных" или "предпочтительных", что выделяло их из отношений нашей страны с другими западными странами.

Большой вклад в налаживание сотрудничества двух стран в те годы внес С.А. Виноградов. Он пробыл на посту посла СССР во Франции без малого 12 лет (с 1954 по 1965 г.). У Виноградова были отличные отношения с де Голлем, да и вообще едва ли не со всеми значимыми политическими деятелями Франции. По образному выражению бывшего заместителя государственного секретаря США Р.Д. Мэрфи он "не оставил неперевернутым ни одного камня, который мог бы способствовать советско-французскому сближению"⁸.

⁸ Statement of Robert D. Murphy, former under-secretary of State. May 25, 1966. House of Representatives Committee on Foreign Affairs, Subcommittee on Europe, p. 199. – Личный архив автора.

Работа посольства при нем приобрела динамизм. Остро встал вопрос о размещении посольства. Оно располагалось в великолепном особняке, носящем имя "дворец Эстре" на улице Гренель Сен-Жерменского предместья. Особняк был построен в 1711–1713 гг. главным архитектором французского короля Робером де Коттом. В одном из французских описаний этого здания говорилось, что его отличают "прекрасные пропорции внешнего облика, изобретательное расположение внутренних помещений, красивые интерьеры и богатая мебелировка". И по сей день "дворец Эстре" значится в числе памятников французской архитектуры. Вокруг немало других особняков той же эпохи.

"Золотым веком" именитых владельцев особняков улицы Гренель, как и всего Сен-Жерменского предместья, был XVIII и первая половина XIX в., когда в высшем парижском свете его называли просто "предместье". Но Великая Французская революция нанесла тяжелый удар по обитателям предместья, их дворцы пошли на продажу.

Париж к этому времени разросся далеко на запад, и прежнее предместье оказалось почти в самом центре города. Покупателем в силу этого выступило само государство. На одной только улице Гренель расположились министерства народного образования (особняк Рошешуар), промышленности, труда (особняк Шатле). На параллельных улицах Варенн, Сен-Доминик, Юниверсите, бульваре Сен-Жермен находятся резиденция премьер-министра ("Отель Матиньон"), министерства торговли и ремесел, обороны, наконец, смотрящее на Сену министерство иностранных дел. С юго-востока к Сен-Жерменскому предместью примыкает Люксембургский дворец, где заседает Сенат, а на западе – Бурбонский, местопребывание Палаты депутатов, ныне Национального собрания.

Туда же устремились и дипломаты, оценившие выгоду сочетания готовых представительских помещений в аристократическом квартале с непосредственной близостью к центрам власти. И сейчас по соседству с "дворцом Эстре" находятся посольства Нидерландов, Италии, чуть дальше – Швейцарии, ФРГ. В одном из особняков этого же квартала разместился музей Родена, в котором перед войной 1812 г. временно располагалось посольство России.

Россия приобрела "дворец Эстре" в 1864 г. за 1300 золотых франков "Жерминаля", и с тех пор это здание остается символом нашего присутствия во Франции. Забота о сохранении красоты и богатства этого дворца стала традицией многих поколений наших дипломатов. В изданной в 1966 г. роскошной книге "Сен-Жерменское предместье" отмечалось, что здание содержится "со вкусом". В 80-х годах усилиями посла С.В. Червоненко зданию был сделан капитальный ремонт, обновлены интерьеры, заново произведено их золотое покрытие. Сегодня это один из самых блистательных по своей красоте и состоянию домов Парижа. Там располагается резиденция российского посла.

Но во времена, о которых я веду разговор, там ютилось все посольство. Персонал разрастался, и по соседству со сверкающими залами приемов располагались кабинеты, все больше переполнявшиеся столами, шкафами, книгами, подшивками газет, досье и прочей канцелярщиной. Жизненное пространство для каждого дипломата сужалось и сужалось.

Дипломатические приемы тоже становились проблемой. Мы обзаводились все новыми знакомыми, но, если пробовали при этом сократить число приглашенных ранее, следовали обиды, а это не красит посольство. Кому-то пришла в голову мысль разделить приглашенных на прием по случаю национального праздника на два потока, с указанием времени для каждого из них. Эффект получился плачевный – недовольными остались все. Каждый подозревал, что его включили в менее престижную группу. В узких прилегающих улицах было крайне мало стоянок для машин, не говоря уже о пробках, которые возникали на подъезде к посольству в дни наших больших протокольных мероприятий.

С квартирами для сотрудников дело обстояло еще хуже. Мы перенесли наш коммунальный быт тех времен на берега Сены: например, в доме на улице Женераль Аппер одним санитарным узлом пользовался десяток семей.

Положение наших французских коллег в Москве было примерно таким же. На Большой Якиманке у них был эффектный дом для представительской работы, а тесные кабинеты сотрудников находились во дворе, в том числе в бывших подсобных помещениях, первый этаж которых был когда-то конюшней.

Каждая из сторон время от времени ставила эти вопросы, искала пути их решения, однако по-настоящему систематическая работа была начата только в 1964 г. С.В. Виноградов поручил ее мне. Моими собеседниками стали руководящие сотрудники Кэ д'Орсе Ж. де Бомарше – прямой потомок знаменитого К. де Бомарше – и Ф. Пюо. Нам с послом представлялось логичным решение проблемы на основе взаимности: безвозмездное предоставление Советским Союзом и Францией равноценных зданий или земельных участков друг другу соответственно в Париже и в Москве.

Французы относились к этому негативно, настаивая на другой формуле: каждый решает свою проблему в соответствии с обстоятельствами, существующими в каждой из стран. Иными словами: мы в Париже должны были приобретать земельный участок за свой счет. Это, с учетом стоимости земли во французской столице, закрывало для нас возможность решения проблемы. В Москве же, где земля не продавалась, французы рассчитывали решить свою проблему на весьма льготных условиях.

Мне пришлось провести предельно искренний разговор с моими собеседниками, откровенно рассказать, в каком положении мы находились, и честно пояснить, что, если не будет решена наша проблема в Париже, французам будет трудно найти в Москве понимание их проблемы.

Отклик был положительный. Бомарше сообщил мне, что МИД Франции запросил у правительства деньги для покупки в Париже здания или участка с целью дальнейшей передачи нам в обмен на блок домов или участок под посольство Франции в Москве. Правительство Франции деньги выделило и немалые, как утверждали французы, достаточные для покупки весьма приличного участка в любой столице мира, в том числе в Вашингтоне и Лондоне. Однако даже нашими совместными усилиями с МИД Франции в Париже за эти деньги мы ничего подходящего найти не смогли. Увеличивать же сумму правительство отказалось. Об этом и сообщил мне Пюо и, разведя руками, заявил, что выхода он не видит.

– Выход есть, – ответил я.

– Какой?

– Передать нам участок, принадлежащий государству или мэрии Парижа.

– Но такого участка в Париже нет.

– Есть! – заявил я.

– Мы такого не нашли, – ответил Пюо. – Сомневаюсь, что вы тоже сможете указать на такой участок.

– Смогу – это участок около Булонского леса, рядом со зданием штаб-квартиры НАТО.

– Этого не может быть!

– Это так, проверьте, – настаиваю я.

– Проверим, – заявил Пюо.

Участок там действительно был. Мне приглянулся он, поскольку я иногда водил туда гулять своих детей по воскресным дням. Наведенные нами справки показали, что принадлежит он мэрии Парижа, т.е. выкупать его французскому правительству не требовалось, хотя необходимо было урегулировать непростой внутренний административный вопрос.

Поэтому я не удивился, когда некоторое время спустя Бомарше с улыбкой сказал мне:

– Дубинин, вы выиграли. Такой участок в самом деле имеется.

На решение вопросов, связанных с его выделением нам, ушло много времени, и это стоило еще немалых хлопот и волнений. С огромными сложностями столкнулись и мы, стремясь удовлетворить французскую сторону в Москве. И в одном, и в другом случаях потребовалось вмешательство высшего руководства обоих государств.

И все же к марту 1968 г. (послом в Париже был тогда В.А. Зорин) вопрос о выделении на основе взаимности земельных участков для строительства зданий посольства СССР в Париже и Франции в Москве был решен. Французский посол в Москве Р. Сейду поведал мне позже, что в разговорах и во внутримидовской переписке на Кэ д'Орсэ выделенная нам земля получила название "участка Дубинина".

Сейчас на нем стоит новое здание нашего посольства. Его архитектура мне не нравится. По-моему она не годится ни для Парижа, ни для Москвы, но я к ее выбору отношения не имел.

Рядом шумит Булонский лес – зеленые легкие Парижа, откуда во французскую столицу приходят потоки свежего воздуха с океана. Невдалеке, вкрапленные в XVI округ Парижа – едва ли не самый комфортабельный для жизни, – разбросаны другие принадлежащие нашей стране дома, где разместились торгпредство, представительство при ЮНЕСКО, квартиры наших сотрудников.

В здании штаб-квартиры НАТО после выхода Франции из ее военной организации расположен университет. В нескольких сотнях метров начинается авеню Фош – величественный проспект, ведущий на площадь Этуаль – Шарль де Голль, а за ней открываются Елисейские поля. Теперь всякая рабочая поездка в Елисейский дворец – это одновременно прогулка по всемирно известному туристическому маршруту – части архитектурного ансамбля длиной в два десятка километров от Лувра до дворца Сен-Жермен ан Лей. В дни весеннего и осеннего равноденствия наступает момент, когда луч солнца пронзает его, проходя под створами Триумфальной арки на площади Этуаль – Шарль де Голль, арки Карусель в Тюильри и Большой арки на площади Дефанс – она уже далеко на западе. Уверен, что это один из самых красивых ансамблей в мире.

* * *

В июле 1990 г. Франция по выражению тогдашнего министра обороны Жокса, употребленному им в беседе со мной (я был только что назначен на пост посла СССР во Франции), пребывала в состоянии, близком к шоковому. Вырисовывавшееся на горизонте объединение Германии вдруг обрело характер самого ближайшего будущего. На только что закончившейся встрече руководителя Советского Союза М.С. Горбачева с канцлером ФРГ Г. Колем в Ставрополе было принято решение о его форсированном осуществлении. На европейской земле возникало мощное государство, конкурировать с которым Франции, как не без оснований считали в Париже, будет не просто. К тому же ставропольские договоренности предполагали, что сразу после объединения Германии между СССР и ФРГ будет заключен "всеобъемлющий и основополагающий двусторонний договор, который на долгий срок и на основе добрососедства будет регулировать отношения" между двумя странами. Цель договора состояла в том, чтобы поставить советско-германские отношения на основу стабильности, предсказуемости и доверия, а также взаимодействия в будущем. Имелось в виду вскоре начать интенсивную работу над договором с тем, чтобы, как заявил Кольт, "самое позднее через год заключить такой договор".

Во Франции сполна отдавали себе отчет в том, что в результате "кавказских договоренностей", как их окрестили там, в европейской и мировой политике произошли фундаментальные перемены. В Париже серьезно задумывались над новой ситуацией и местом в ней Франции. Возникал и вопрос о том, какую роль впредь будет играть в европейских делах советско-французский фактор. Франция пребывала в смятении.

Будущее нашего с Францией взаимодействия было, разумеется, небезразлично и для нас. Со всей настоятельностью вставал вопрос о том, чтобы в кратчайшие сроки определить пути подъема советско-французских отношений на качественно новый уровень в условиях окончания "холодной войны". Как это сделать? По моему мнению надо было немедленно предложить Франции заключить с нами политический договор, в котором были бы определены цели и содержание советско-французского со-

трудничества в новой международной обстановке с сохранением за этими отношениями привилегированного характера. В сочетании с договором нашей страны с Германией такой договор мог бы стать важным звеном в построении в Европе гармоничной системы безопасности и сотрудничества, отвечающей требованиям складывавшихся реальностей. Воспользовавшись тем, что наш министр иностранных дел (им был Э.А. Шеварднадзе) прямо из Ставрополя 17 июля прилетел в Париж для участия в шестисторонних переговорах о внешних аспектах германского объединения, я изложил ему свою идею.

"Это было бы хорошо", – говорит министр.

Я прошу согласия провести необходимый зондаж в Париже. Поскольку это делалось бы без предварительного решения нашего руководства, беседы я мог бы провести от своего имени.

Министр не возражает.

Сразу же после отлета Э.А. Шеварднадзе я запросил встречи с министром иностранных дел Франции Р. Дюма и генеральным секретарем Елисейского дворца Ж.Л. Бьянко.

Первым откликнулся Бьянко. Что представляет собой пост генерального секретаря Елисейского дворца? После принятия в 1958 г. ныне действующей конституции этот пост приобрел особый вес в механизме французской государственной машины. На должность генерального секретаря назначаются люди, пользующиеся особым доверием президента. Уже утром 20 июля мы встретились с Бьянко.

Оговорив доверительный характер беседы и предупредив, что веду ее от себя лично, я высказал ему свою идею. Пояснил, что в пользу этого говорит многое: история, география, политика, совпадающие взгляды Москвы и Парижа на их отношения как на привилегированные, их подход к преодолению раскола Европы на путях сближения между всеми европейскими государствами. В случае согласия стоило бы подумать над тем, как сформулировать и представить идею советско-французского сотрудничества на новом этапе. Высказал предположение, что с советской стороны можно ожидать большую свободу и смелость действия в отношении содержания и формы возможного документа.

Далее говорю о факторе времени. Хорошо бы сделать так, чтобы проект соответствующего документа мог бы быть рассмотрен министрами иностранных дел на одной из их ближайших встреч. В таком случае можно было бы подумать о проведении специальной встречи глав наших государств с тем, чтобы в кратчайшие сроки, раньше, чем это случится в отношении нашего договора с Германией, подписать советско-французский документ. Это соображение отражало замысел о сохранении за советско-французскими отношениями предпочтительного, привилегированного характера, и оно, несомненно, должно было импонировать французам.

Поясняю, что, прежде чем направить предложения по этому вопросу в Москву, мне хотелось бы иметь определенность в отношении настроений в Париже.

Бьянко быстро среагировал. Ему лично идея представлялась и своевременной, и приемлемой. Действительно, отдельных акций, пусть даже значительных, недостаточно для того, чтобы выразить весь потенциал, заложенный во взаимодействии Советского Союза и Франции. Отношения между двумя странами заслуживают большего, особенно перед лицом развивающейся геополитической ситуации и в деле создания новой Европы. Собеседник попросил времени для обдумывания, имея в виду доклад Миттерану. Беседа, занявшая всего несколько минут, привела к быстрому взаимопониманию.

25 августа в Москву прилетел Дюма. Он предложил нам с министром (мы встречали его) заехать прямо из аэропорта во французское посольство. Там он заявил: ваш посол вел известные беседы в Париже. Я привез ответ президента Франции. Он положительный. Мы готовы заключить договор с Советским Союзом и открыты к тому, чтобы его подготовка началась незамедлительно.

Взаимное удовлетворение. О решении Советского Союза и Франции заключить договор было объявлено в печати. Проведение переговоров в Париже о его содержании было поручено мне. Моим партнером стал директор европейского департамента МИД Франции Ж. Бло.

Кстати, и немцы приветствовали идею подписания договора между СССР и Францией. Это было свидетельством их широкого подхода к европейским делам, отвечавшим идее гармоничного развития европейской ситуации.

Мы с Бло формулируем название договора: "Договор о согласии и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Французской Республикой". В статье первой записывается, что стороны "рассматривают друг друга как дружественные государства и основывают свои отношения на доверии, солидарности и сотрудничестве".

Что должно было составить ядро, главное содержание нового договора? В поисках ответа на этот вопрос мы обратились к истории русско-французских отношений, в том числе и к соглашениям, оформившим 100 лет назад франко-русский союз. Нас интересовала не Военная конвенция: времена были другие и мы готовили не войну, а прочный мир. Нас интересовал Консультативный пакт, определявший основы политического взаимодействия двух государств. Опираясь на его положения, мы сформулировали раздел о консультациях между Советским Союзом и Францией. В нем говорилось, что Советский Союз и Франция будут "расширять и углублять" консультации между друг другом.

Далее уточнялось, что "предметом этих консультаций будут ключевые проблемы современности, укрепление безопасности и сотрудничества в Европе и мире, развитие двусторонних отношений, а также любые другие вопросы, представляющие взаимный интерес". В отношении целей консультаций было определено, что "стороны будут стремиться к максимально возможному сближению их позиций с целью осуществления совместных или согласованных действий".

Наконец были сформулированы обязательства в связи с возможными осложнениями международного положения: "В случае возникновения ситуаций, создающих, по мнению одной из сторон, угрозу миру, нарушение мира или вызывающих международную напряженность, правительства Советского Союза и Франции незамедлительно вступят в контакт между собой в целях достижения договоренностей по всем аспектам этих ситуаций, максимально возможной гармонизации своих позиций, достижения согласия в отношении тех мер, которые позволили бы улучшить положение или справиться с ситуацией и действовать совместно".

Заключало этот раздел следующее положение: "Если одна из сторон сочтет, что имеет место ситуация, затрагивающая высшие интересы ее безопасности, она может обратиться к другой стороне с тем, чтобы между ними были незамедлительно проведены консультации по этому вопросу".

Работа по конкретизации основных направлений сотрудничества шла легко. В этом сказывалось стремление и Москвы, и Парижа способствовать продвижению Европы по пути обеспечения прочной безопасности и сотрудничества.

Ключевое положение, касающееся Европы, было сформулировано так: "Стороны объединят свои усилия в деле преодоления раскола континента на антагонистические блоки и его преобразование в мирную и солидарную Европу, наделенную постоянными механизмами безопасности и сотрудничества. Они подчеркивают ту роль, которую должен сыграть в этом отношении процесс СБСЕ (Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. – Ю.Д.).

Стороны будут способствовать тому, чтобы Европа трансформировалась в сообщество права и демократии. Они будут содействовать укреплению между собой и всеми европейскими государствами уз солидарности, ведущих к превращению ее в общий дом и к созданию европейской конфедерации". Сотрудничество СССР и Франции в развитии европейской ситуации стало сердцевинной положений договора, касающихся их взаимодействия в международных делах.

Был определен механизм межгосударственных контактов: "Стороны договорились о том, что встречи на высшем уровне будут проводиться по меньшей мере один раз в год, а также всякий раз, когда в этом будет возникать необходимость, в частности путем осуществления неофициальных рабочих контактов".

Было условлено, что "министры иностранных дел будут проводить консультации по мере необходимости и не менее, чем два раза в год", и что "регулярно будут проводиться встречи министров обороны". Предусматривалось также проведение встреч между другими членами правительств и на уровне экспертов.

29 октября 1990 г. специально прилетевший для этого во Францию Президент Советского Союза М.С. Горбачев и президент Франции Ф. Миттеран подписали договор в Рамбуйе. Для Франции это был первый договор такого масштаба за 27 лет, истекшие после подписания Елисейского договора с ФРГ в 1963 г.

Позже, 9 ноября, в Бонне был подписан договор между СССР и ФРГ.

В вышедшей в 2007 г. книге "Франция в поисках новых путей" д.ю.н. Е.О. Обичкина написала, что советско-французский договор 1990 г. был "задуман Миттераном"⁹. Увы! Это утверждение не соответствует действительности. История создания этого договора, вкратце изложенная выше, была подробно описана мною в книге "Дипломатическая быль: записки посла во Франции"¹⁰ и в ряде журналов в России и Франции. В 2000 г. книга была издана во Франции под названием "Москва – Париж в дипломатическом водовороте (свидетельства посла)"¹¹. Об этой работе почетный постоянный секретарь Французской академии и известный писатель М. Дрюон написал: «Книга "Moscou – Paris" представляет огромный интерес. Без обращения к этому основополагающему свидетельству нельзя написать историю франко-русских отношений во второй половине XX в.»¹² Высоко оценил книгу и президент Франции Ж. Ширак¹³.

Что касается Миттерана, то его заслуга состояла в том, что он быстро откликнулся на мою инициативу. Одно из объяснений такого его поведения в отношении договора, данное во Франции (я имею в виду книгу "История французской дипломатии" – коллективное исследование, представленное в 2005 г. министром иностранных дел Франции Д. де Вильпеном), состояло в том, что он "стремился зацепиться за статус кво"¹⁴. Миттеран действительно не хотел разрушения Советского Союза, негативно относился к действиям Ельцина. 27 октября 1990 г. он говорил мне, что "Франция заинтересована в том, чтобы Советский Союз и впредь оставался сильным, прочным, единым государством"¹⁵. Истоки такого его подхода и к Советскому Союзу, и к договору от 29 октября значительно глубже преходящих соображений. Они проистекали из его убежденности в геополитической важности взаимодействия Франции с нашей страной.

Договор от 29 октября 1990 г. был ратифицирован Советским Союзом. Франция сделать это не успела: не стало Советского Союза. Как показало развитие событий, усилия по созданию этого договора не были напрасными.

* * *

В феврале 1992 г. Президент РФ Б.Н. Ельцин посетил Францию с официальным визитом. Это был первый визит за рубеж такого уровня после того, как перестал существовать Советский Союз. Основным итогом визита стало подписание Ельциным и Миттераном Договора между Россией и Францией. Это был первый политический договор, заключенный новой Россией.

⁹ Франция в поисках новых путей. М., 2007., с. 554.

¹⁰ Дубинин Ю.В. Дипломатическая быль: записки посла во Франции.

¹¹ Doubinine Y. Moscou – Paris, dans un tourbillon diplomatique (témoignages d'ambassadeur). Paris, 2000.

¹² Личный архив автора.

¹³ Там же.

¹⁴ Histoire de la diplomatie française. Paris, 2005, p. 946.

¹⁵ Дубинин Ю.В. Указ. соч., с. 280.

Сам визит российского президента во Францию – подтверждение того уровня отношений между двумя странами, на который их поднимал Договор о согласии и сотрудничестве между СССР от 29 октября 1990 г., – продемонстрировали продолжение и развитие традиции, широкое совпадение национальных интересов двух стран. Об этом говорил и тот факт, что подписанный Ельциным и Миттераном договор повторил содержание и формулировки ключевых положений Договора о согласии и сотрудничестве между СССР и Францией от 29 октября 1990 г. Его название стало, правда, короче и посуше: Договор между Россией и Францией. В статье первой Договора нет содержащегося в Договоре от 29 октября 1990 г. указания на то, что наши страны рассматривают друг друга "как дружественные государства". В преамбулу договора было добавлено, "что Российская Федерация является государством – продолжателем Союза Советских Социалистических Республик". Но в текст было добавлено одно весьма примечательное положение: Россия и Франция "будут сотрудничать между собой и с другими европейскими государствами в целях заключения договора о европейской безопасности". В свете недавно выдвинутого Президентом РФ Д.А. Медведевым предложения о заключении Договора о европейской безопасности эта договоренность приобретает большую актуальность.

Договор между Россией и Францией ратифицирован обоими государствами. Он составляет международно-правовую основу наших отношений и олицетворяет силу и пользу преемственности.

* * *

Распад Советского Союза привел к коренным изменениям в расстановке сил на международной арене. Двуполярный мир перестал существовать. По своему истолковав случившееся, США сочли, что перед ними открылась возможность "затвердить" свое глобальное доминирование путем построения однополярного мира с приданием гипертрофированного значения НАТО. Это означало существенные сдвиги в шкале геополитических координат, влияющих на внешнюю политику и России, и Франции.

В годы президентства В.В. Путина в нашей стране сложилось ясное понимание неприемлемости и невозможности однополярной модели для современного мира, а также важности уважения центральной координирующей роли ООН как основной организации, регулирующей международные отношения и обладающей уникальной легитимностью. Эти взгляды были развернуто изложены Путиным в его выступлении в Мюнхене в феврале 2007 г.

Однозначно критическую позицию по отношению к концепции однополярного мира заняла и Франция. Как подчеркнул президент Ширак на конференции послов во Франции в 2002 г., она стоит за "создание подлинно многополярной международной системы". В качестве "краеугольного камня" всей международной системы в Париже рассматривают Организацию Объединенных Наций. "Франция, – заявил Ширак, – никогда не согласится с тем, чтобы какая-либо организация возвысилась до положения Священного союза во всем и везде. Эта роль мирового жандарма была поручена Уставом ООН Совету Безопасности и только ему".

Таким образом, в центральном вопросе мироустройства Россия и Франция заняли совпадающие позиции. Эти позиции вытекали из их коренных национальных интересов и правильно выразили преобладающую тенденцию в настроениях мирового сообщества. Постепенно и в США стало складываться понимание правильности взгляда на международное сообщество как на многополярную структуру. Так "прогнозисты разведывательного сообщества Америки полагают, что к 2025 г., а может быть и раньше, на планете сформируется система многополярного мира"¹⁶.

¹⁶ Иванов В. Мир ожидают серьезные потрясения. – Независимое военное обозрение, 19–26 декабря 2008 г.

Военная интервенция США против Ирака, явившаяся одним из самых опасных проявлений доктрины однополярного мира, объединила в критическом отношении к этой акции Францию, Германию и Россию. Между тремя этими государствами стало складываться трехстороннее взаимодействие, что могло бы сыграть исторически важную роль для обеспечения равновесия и развития сотрудничества в Европе.

В годы президентства во Франции Ширака между Россией и Францией сложились отношения "политического партнерства", существенно поднимавшего роль российско-французского фактора в Европе и за ее пределами.

* * *

Конфликт на Кавказе, вызванный агрессией правящего режима в Грузии против Южной Осетии, поставил перед международным сообществом ряд серьезных проблем. Самой срочной из них была необходимость положить конец кровопролитию, а затем снять наиболее острые осложнения в международной жизни, порожденные неадекватной реакцией на конфликт со стороны отдельных стран.

Определяющую роль в решении этих проблем сыграли усилия России и Франции. Договоренности Медведев – Саркози от 12 августа и 12 сентября, в которых президент Франции выступал в качестве председателя Европейского Союза, позволили положить конец военной фазе конфликта.

Саркози нейтрализовал попытки Польши и Литвы под надуманными предлогами невыполнения Россией взятых обязательств заблокировать продолжение переговоров между Россией и Европейским Союзом о заключении между ними нового соглашения, угрожая даже воспользоваться для этого существующим в Европейском Союзе правом вето при принятии решений. По итогам саммита Россия – Европейский Союз, состоявшегося в Ницце 14 ноября, Саркози сделал развернутое заявление о том, как Россия выполнила взятые ею по плану Медведев – Саркози обязательства¹⁷.

Что касается собственно переговоров между Россией и Евросоюзом, Саркози подчеркнул, что эти переговоры "никогда не прекращались. В их ведении был лишь перерыв, вызванный разными взглядами на то, как отнестись к признанию Россией независимости Абхазии и Южной Осетии. Одни считали, что нужно прервать переговоры. Мы (Н. Саркози имел в виду себя и президента Европейской комиссии Ж.М. Баррозо. – *Ю.Д.*) полагали, что диалог следует продолжить... Прекращения переговоров никогда не было. Если бы это случилось, то для их возобновления нужно было бы принимать решение, и тогда было бы необходимо единогласие. С учетом этого в тот момент, когда обсуждался этот вопрос, я и Жозе Мануэль Баррозо предложили сделать лишь перерыв в переговорах"¹⁸. Это может выглядеть "как юридическая тонкость", заявил Саркози, но речь идет о тонкости "со смысловой нагрузкой"¹⁹.

Смысловая нагрузка заключалась в том, что блокировать переговоры между Россией и Европейским Союзом путем применения вето теми, кто это захотел бы сделать, было невозможно, так как какого-либо решения для их продолжения не требовалось. Следует воздать должное изобретательности авторов "юридической тонкости": путем использования эlegantной формулировки они смогли снять излишнюю сложность в отношениях между Россией и Европейским Союзом. Переговоры между Россией и Европейским Союзом были продолжены.

Грузино-южно-осетинский конфликт высветил неадекватность существующей системы европейской безопасности реалиям нашего времени. Это было ясно и раньше. Еще 5 июня 2008 г. Д.А. Медведев, выступая в Берлине, поставил вопрос о необходи-

¹⁷ www.elysee.fr/download/?mode=press&filename=14.11_Conference_de_presse_conjointe_UE-Russie.pdf – 2008-12-17

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Ibidem.

мости ее модернизации и предложил заключить с этой целью юридически обязывающий Договор о европейской безопасности. События вокруг агрессии грузинского правящего режима, когда эта система дала очевидный сбой, подчеркнули актуальность инициативы Президента РФ.

Уместно отметить, что по своему содержанию предложения Д.А. Медведева идут в развитие идей в отношении обеспечения надежного мира и развития сотрудничества в евроатлантическом районе, вокруг которых в течение многих лет нарастало взаимодействие России и Франции.

На саммите Россия – Европейский Союз в Ницце Н. Саркози, сославшись на предложение Д.А. Медведева и упомянув о "новой геополитической обстановке" в Европе, заявил: "В качестве председателя Европейского совета я предлагаю, чтобы в середине 2009 г. мы собрались, быть может в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, для того, чтобы заложить основы будущей европейской безопасности"²⁰.

По сути дела Н. Саркози повторил сделанное ранее на этот счет предложение Д.А. Медведева, конкретизировав время проведения саммита – середина 2009 г. В силу этого предложение о проведении саммита ОБСЕ в середине 2009 г. рассматривается теперь как совместное предложение Медведева – Саркози.

Таким образом, подходы России и Европейского Союза к этому имеющему огромное значение для будущего евроатлантического района вопросу совпали.

В наши дни мир оказался втянутым в беспрецедентный финансово-экономический кризис. Этот вопрос стал предметом обсуждения на саммите Россия – Европейский Союз в Ницце. Стороны сравнили свои взгляды на пути выхода из кризиса. Н. Саркози отметил "высокое качество предложений России, а также то, что они очень близки предложениям Европейского Союза"²¹.

Таким образом, на состоявшемся вслед за встречами в Ницце саммите "двадцати" в Вашингтоне, посвященном этой проблеме, Россия и Европейский Союз выступили со сходных позиций.

Все это свидетельства того, что и на нынешнем этапе развития международной обстановки сотрудничество России и Франции играет авангардную роль.

Далеко не по всем проблемам международной жизни взгляды России и Франции совпадают. Возникают между ними и разногласия, порой весьма существенные. Это естественно для крупных государств с не во всем сходными ценностными характеристиками, принадлежащими к различным региональным объединениям, в том числе и в сфере безопасности, для государств, проводящих активную внешнюю политику, умеющих выдвигать и стойко защищать новаторские идеи. Все это, однако, не мешает выводу о том, что их национальные интересы, исторически сложившиеся между ними обширные области согласия и богатые традиции, иными словами геополитические императивы, будут и впредь способствовать их взаимодействию, в особенности когда речь идет о совершенствовании миропорядка, модернизации архитектуры международной безопасности и реформировании мировой финансовой системы.

²⁰ Ibidem.

²¹ Ibidem.